

1814-
1964

ТАРАС ШЕВЧЕНКО

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ПЯТИ ТОМАХ

Под редакцией

Ал. ДЕЙЧА, М. РЫЛЬСКОГО, Н. ТИХОНОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА 1965

ТАРАС ШЕВЧЕНКО

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ

3

ПОВЕСТИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА 1965

С (УКР) 3
Ш 37

Предисловие
А. И. БЕЛЕЦКОГО

Комментарии
И. Я. АЙЗЕНШТОКА

Оформление художника
Г. ФИШЕРА

РУССКИЕ ПОВЕСТИ Т. Г. ШЕВЧЕНКО

I

Дальняя окраина царской России пятидесятих годов XIX века... Известковая, обрывистая гора. Ни кустика, ни деревца. Только неугомонный ветер, только несмолкающий гул морского прибоя. На горе церковь, казармы, гауптвахта, больница, дом коменданта. Все по ранжиру, все окрашено в казенный, желтый цвет. Внизу под горой армянские лавчонки, кабак.

Летом — жара и пыль. Зимой — стужа. Жизнь — солдатская муштра, офицерский картеж, водка. Книги — редкость; газет, кроме официального военного органа «Русский инвалид», получать и читать не полагается.

Это Новопетровское укрепление на берегу Каспийского моря. Здесь 25 января 1856 года Тарас Шевченко, сосланный и принудительно отданный в солдаты, урывками, потаенно начал писать повесть «Художник».

Он писал эту повесть, желая отвлечься от окружающего, желая вновь пережить, хотя бы в мечте, лучшую и короткую пору своей жизни — годы, увы, слишком короткой свободы!

Перед ним вставали стройные улицы, широкие площади далекого Петербурга. Мысленно он входил, как бывало, в великопепные залы Академии художеств, шел по гранитной набережной Невы, посещал театры, музеи, магазины. С какой жадностью подбирала теперь, по прошествии многих лет, память Шевченко малейшие крохи воспоминаний — и как много их сохранила его изумительная память!

Мог ли хотя бы смутно представить себе ефрейтор — один из тех, кто зажал поэта, по его же словам, в кулак без всякого милосердия, — мог ли понять он, что таится и живет под крутым, упрямым лбом по-солдатски остриженной головы никуда не годного рядового Шевченко!

Вспоминались прочитанные книги, ныне совершенно недоступные. Крепче всего любимые стихи Пушкина жили теперь только в памяти Шевченко, только самому себе мог он повторять пленительные строки гениального русского поэта. Жили в памяти бессмертные образы Гоголя, «Ревизор» был для Шевченко вдвойне близок, воплощенный основоположником русского реализма на театре и ближайшим другом ссыльного поэта Щепкиным. Не только любимые образы русских гениев жили в памяти Шевченко, но во всей силе все впечатления, полученные в недолгую пору его непосредственного общения с деятелями русского искусства в Петербурге. Жили в его памяти идеалы человеческой красоты, воплощенные в портретах знаменитых русских художников, лучшие образцы античного искусства, Возрождения, живописи голландцев, живопись любимого учителя и друга К. Брюллова. Оживали впечатления и очаровывали вновь звуки «Ивана Сусанина», «Руслана и Людмилы» и других творений гениального Глинки. О необычайной живости всех этих впечатлений свидетельствуют и письма, и «Дневник», и повести поэта. Огромный, неистребленный десятилетней ссылкой со строгим запрещением «писать и рисовать» мир образов, мыслей и чувств жил в душе ссыльного Тараса Шевченко!

У человека было отнято все: родина, свобода, друзья, право на творчество. Сделано все, чтобы убить в нем живую душу. Но того, что некогда вобрал в себя его гений, что стало неотъемлемой частью его существа, это не могли отнять ни «неудобозабываемый тормаз»¹ — царь Николай, ни жандармы Третьего отделения, ни оренбургский генерал-губернатор, ни новопетровские унтер-офицеры, фельдфебели и ефрейторы.

И насколько этот несчастный человек, который сам себя называл «нищим в полном смысле слова», насколько он богаче не только тех, кто его окружал, но и тех, кто правил всей огромной николаевской Россией!

Повесть «Художник» — драгоценный документ для суждения о культуре и интеллекте Шевченко. Вместе с тем она

¹ В кавычках — цитаты из «Дневника» Т. Г. Шевченко.

красноречивое опровержение выдумок украинских буржуазных националистов насчет того, будто Шевченко враждебно относился ко всему «московскому» — к русскому языку и к русской культуре.

В литературном наследии поэта «Художник» — одна из дошедших до нас русских повестей Шевченко, имевших своеобразную, до сих пор не во всех подробностях ясную для нас судьбу.

Ни одна из повестей не была напечатана при жизни поэта. Читателям они стали доступны лишь через двадцать лет после его смерти, а первое полное их собрание вышло только в 1888 году. Когда же они были написаны?

Первые упоминания о них мы встречаем в письмах поэта из ссылки в 1856 году. До этого времени ни он сам, ни общавшиеся с ним люди ни словом не обмолвились о его прозе. Между тем на сохранившемся автографе «Наймички» рукою Шевченко написано: «25 февраля 1844. Переяслав». Другая повесть — «Варнак» — помечена 1845 годом. Остальные — «Княгиня», «Музыкант», «Несчастный», «Капитанша», «Близнецы», «Художник», «Прогулка с удовольствием и не без морали» — либо датированы пятидесятыми годами, либо не имеют датировки, но с полным вероятием могут быть отнесены к тому же времени.

Значит ли это, что Шевченко приступил к писанию повестей еще до ссылки? Но откроем «Наймичку». Рассказав, как старый Яким отправил своего приемного сына Марка «чумаковать», автор вспоминает, что в ранней молодости он сам ездил с отцом по степным просторам. «Грустно мне! Печально мне вспоминать теперь мою молодость, мою юность, мое детство беззаботное! Грустно мне вспоминать теперь те степи широкие, беспредельные, которые я тогда видел и которых уже не увижу никогда».

В 1844 году поэту только что исполнилось тридцать лет. С мая 1843 по февраль 1844 года он путешествовал по Украине и при желании легко мог бы обновить свои отроческие воспоминания. В марте 1845 года он отправился во вторую поездку по Украине. Зная все это, мы с недоумением отнесемся к элегическому восклицанию: «Не увижу никогда». Но этого мало. Описывая широкую равнину недалеко от Ромодановского шляха, автор «Наймички» говорит, что в жаркие летние дни в ней бывают миражи, «как будто бы в необитаемых, бесплодных и безводных степях киргизских».

Эти степи киргизские Шевченко пришлось впоследствии увидеть воочию, но почему бы они пришли ему в голову в 1844 году?

Еще очевидней сомнительность даты, выставленной на автографе повести «Варнак». В начале повести ироническая характеристика житья-бытья «благодатной землицы русского царства» — Оренбургского края. Место дальнейшего действия — Соляная Защита — нынешний поселок Илецкое (Илецкая Защита), Оренбургской области. Оренбург, как мы знаем, был первым пунктом, куда прибыл, в сопровождении фельдъегеря, осужденный и отданный в солдаты в 1847 году поэт. Невозможно поверить, что и место действия, и самого героя Шевченко создавал на основании чьих-либо рассказов в 1845 году.

Датировка обеих повестей не отвечает действительности. Она вызвана, по-видимому, необходимостью скрывать, особенно в начале пятидесятых годов, нарушение строгого запрета, наложенного самим царем на творчество Шевченко. Даты «Наймички» и «Варнака» конспиративны. Если бы при возможном всегда обыске рукописи попали на глаза жандармам, Шевченко мог бы сослаться на то, что они написаны им еще до ссылки.

В настоящее время не без основания можно полагать, что все русские повести Шевченко написаны им в мрачные годы его подневольной солдатчины. Только вторая часть «Прогулки» закончена в 1858 году, когда поэт жил уже далеко от Новопетровского укрепления, пользуясь относительной свободой.

Из переписки Шевченко явствует, что ему очень хотелось увидеть свои повести напечатанными. Он умудрился разными способами пересылать рукописи, подписанные псевдонимом «Кобзарь Дармограй», своим петербургским и московским друзьям. Но большинство этих друзей отнеслось к повестям равнодушно. Считавший себя другом и руководителем Шевченко Пантелеймон Кулиш в ответ на запрос поэта, что ему делать с русскими повестями, отвечал не без некоторого злорадства: «Если бы у меня были деньги, я бы у тебя купил их все вместе и сжег. Читал я твою «Княгиню» и «Матроса». Может, ты мне не поверишь, может, скажешь, что я москвичины не люблю, потому браню. Так вот же тебе: ни одна редакция журнальная не захотела их печатать»¹.

¹ Письмо от 1 февраля 1858 г. (подлинник на украинском языке).

Мотивы, заставлявшие националиста Кулиша отрицательно отнестись к русским повестям Шевченко, понятны. Еще не разбивавшийся в литературной жизни конца пятидесятых годов, Шевченко направляет свою рукопись престарелому С. Т. Аксакову, рассчитывая напечатать ее в «Русской беседе» — органе ожившего после репрессий славянофильства. Но повесть («Прогулка») не понравилась и С. Т. Аксакову, — вероятно, по резкости ее обличительной тенденции. «Она несравненно ниже, — писал поэту С. Т. Аксаков, — вашего огромного стихотворного таланта... Вы — лирик, элегист; ваш юмор невесел, а шутки не всегда забавны... Правда, где только вы касаетесь природы, где только дело доходит до живописи, там все у вас прекрасно, но это не выкупает недостатков целого рассказа»¹.

Отзывы такого рода в конце концов, видимо, действовали на Шевченко. Повести остались лежать в рукописи. Широкий круг читателей осведомился об их существовании впервые из помещенного в 1862 году, уже после смерти поэта, в журнале «Основа» «Извещения о прозаических сочинениях Т. Г. Шевченко на великорусском языке». Стоит остановиться на этом не совсем обычном в истории литературы документе. Вот его начало:

«По смерти украинского поэта Т. Г. Шевченко осталось одиннадцать рукописей, в которых заключаются литературные (довольно слабые) сочинения поэта, писанные на великорусском языке, прозою. Сочинения эти как редкость продаются все вместе и каждое отдельно (но без права издания, которое остается за наследниками)...»

Далее идет список рукописей, в котором названа одна не дошедшая до нас — «Повесть о безродном Петрусе» (вероятно, разработка сюжета поэмы 1850 года «Петрусь»). Указан объем каждой рукописи, ее цена. Общая стоимость всех повестей определена в 275 рублей.

Вырученными деньгами, по-видимому, собирались помочь родственникам Т. Г. Шевченко, не предполагая, что перечисленные в списке произведения смогут найти издателя. Результаты этого своеобразного аукциона нам неизвестны. Путем ли покупки или иным путем рукописи очутились у Н. И. Костомарова, известного историка, в молодости писавшего украинские стихи, общавшегося с Шевченко и осужденного по делу Кирилло-Ме-

¹ Письмо, писанное около 19 июня 1858 г.

фодиевского братства в 1847 году. Двадцать лет рукописи лежали у Костомарова без движения. Уже после его смерти они были доставлены в редакцию журнала «Киевская старина» и, наконец, в 1888 году полностью опубликованы.

Они появились тогда, когда, по словам А. Н. Пыпина, встретившего издание статей о нем в «Вестнике Европы» 1888 года, давно отошел в историю тот литературный период, в котором они создавались. «Впечатление, — писал Пыпин, — было бы гораздо сильнее, если бы они могли явиться в свое время, что, однако, было бы, вероятно, невозможно по тогдашним условиям печати»¹.

Тем не менее Пыпин оценивал положительно «этот крупный литературный факт, затерянный в свое время для литературы 50-х годов». Написанные в очень трудных условиях, повести являются прежде всего набросками личных воспоминаний, портретов виденных лиц, картинок украинского быта и пейзажа — и «с этой точки зрения мы найдем здесь много интересного и симпатичного и много для изучения самой личности писателя».

Однако издание «Киевской старины» не явилось событием ни в русской, ни в украинской литературной жизни конца XIX века. Украинские националисты не могли примириться с фактом обращения Шевченко к русскому языку и немало постарались для того, чтобы репутация повестей, как «довольно слабых» произведений, осталась непоколебленной. В русской читательской среде провинциальное издание не получило широкого распространения. По существу, повести Шевченко были заново открыты уже в советское время.

В 1924 году автографы повестей, немало пространстввав перед этим, перешли в Академию наук УССР. В 1939 году они, переданные в рукописный отдел Института украинской литературы Академии наук УССР, стали, наконец, общим достоянием в составе изданного Институтот пятитомного собрания сочинений Шевченко.

В настоящее время мы можем научно оценить повести Шевченко, не преуменьшая и не преувеличивая их значения. Мы не станем доказывать, что они во всем равны «Кобзарю», что они являются в русской литературе столь же значительным фактом, как произведения, например, Герцена. Но мы ценим их

¹ Пыпин А. Н., Русские повести Шевченко, «Вестник Европы», 1888, № 3, стр. 246—286.

не только потому, что знаем, кто их написал, но и потому, что в них сказано и как это сказано. Именно с этой точки зрения необходимо прежде всего рассматривать повести Шевченко.

II

На серой плохой бумаге, которую некогда даже было сшить в тетрадки, торопливым, меняющимся почерком, в редкие часы и дни, свободные от солдатской муштры, писались эти повести.

На воспоминания о жизни, прошедшей до рокового 1847 года, наплывали впечатления настоящего — ссыльной жизни пятидесятих годов.

Прошлое было богато контрастами. «Милые очаровательные видения» раннего детства, сменяемые домашним адом в его отвратительном торжестве после того, как в отцовской хате во дворилась злая мачеха. Учение у пьяниц дячков и служба мальчика, крепостного лакея («казачка») в панских покоях. Поездки вместе с паном и дворовой челядью в Киев, в Вильно — и вдруг Петербург, мастерская «комнатного живописца» Ширяева, утренние посещения Летнего сада для срисовывания статуй.

А затем «быстрый переход с чердака грубого мужика-малыра» в великолепную мастерскую знаменитого Брюллова, в роскошные залы Академии художеств. «После многих тяжелых длинных дней неволи» — несказанное счастье свободы: книги, картины, статуи, дружески расположенные люди, первые лавры художника и поэта¹.

И снова поездки 1843—1847 годов, родная Украина, увиденная уже иными глазами — взрослого, осознавшего и себя, и всю страшную действительность самодержавно-крепостнической России поэта и человека. Имена крупных магнатов, усадьбы мелких помещиков и хуторян Черниговщины, Полтавщины, Киевщины; родная Кирилловка и встреча с близкими, оставшимися под ярмом крепостного рабства. Глухов, Киев, Васильков, Белая Церковь, Лысянка, Гнилые Будищи, вплоть до Переяслава, Андрушей, Монастырища, Трахтемирова, Потоков, Васильковцев, Яготина и других — всюду побывал поэт, историк, художник. Круг впечатлений Шевченко был весьма широк и отмечен особой жадностью к людям и фактам, особой памятью на них, — громадный

¹ В кавычках здесь слова Т. Г. Шевченко.

арсенал жизненных впечатлений от людей, событий, от памятников истории, от народного творчества, от природы, от быта. Гоголь, приступая к писанию «Вечеров на хуторе близ Диканьки», просил присылать ему описания обрядов, обычаев, одежд. Шевченко мог распоряжаться всем этим материалом, как полный хозяин и совершенный знаток.

Поэтом интересовались, его принимали радушно и такие магнаты, как Тарновский или Репнин, и мелкопоместные вроде В. Забилы или Афанасьева-Чужбинского.

Но поэт уже начал «прозревать». Нарастающая буря негодования против самодержавного деспотизма и произвола срывала со многих «земляков» маску притворного украинского добродушия, обнажая под ней хищные морды панов и «полупанков», эксплуататоров родного народа.

И, наконец, Киев, где думалось осесть надолго; споры в Кирилло-Мефодиевском братстве с приятелями, либеральными поборниками идеи всеславянского братства и федерации, которая будто бы осуществится мирным путем просвещения, без насилий и кровопролития... И внезапный арест, за которым пришлось изведать

...тюрьму петербургскую,
Справки, допросы, жандармов любезности,
Все — и раздольную степь Оренбургскую,
И ее крепость...

(Некрасов)

Вот факты, с которыми связано создание повестей. Что из них было отобрано? Как это отобранное претворилось в художественном творчестве?

Мировоззрение Шевченко характеризовалось так же, как и у русских просветителей-разночинцев: «горячей враждой к крепостному праву и всем его порождениям в экономической, социальной и юридической области»¹.

Повести «Варнак», «Музыкант», «Художник», «Прогулка с удовольствием и не без морали» разрабатывают в разных вариантах тему «крепостного интеллигента» — актуальную и для русской литературы тридцатых — сороковых годов («Дмитрий Калинин» Белинского, 1831 г.; «Именины» Н. Ф. Павлова, 1835 г.; «Художник» Тимофеева, 1833 г.; «Кто виноват?» и «Сорока-воровка» Герцена и т. п.).

¹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 519.

В повестях «Наймичка» и «Капитанша» основной является тема крестьянской девушки, обесчещенной и брошенной соблазнителем из среды чужого, господствующего класса. К этой теме Шевченко обращался в своих стихах, начиная от «Катерины», неоднократно. В русской литературе от «Бедной Лизы» Карамзина и его подражателей разработка этой темы идет до «Эды» Боратынского и далее — до беллетристики сороковых и пятидесятых годов. В украинской литературе до Шевченко мы найдем ее у Г. Ф. Квитка-Основьяненко. Но ни у кого эта тема не получала такой глубокой и трагической трактовки, как у Шевченко.

И, наконец, повести «Княгиня», «Несчастный», «Близнецы» раскрывают перед нами картины морального вырождения дворянского класса, показанные в период, когда этот класс стоял во главе государственного строя империи.

Таким образом, внимание автора сосредоточивается на социальных группах, известных ему и по непосредственному общению с ними.

Первая — это народ, крепостное крестьянство Российской империи. Частью это пассивные страдальцы, частью — бунтари. Преимущественное внимание уделено не массе, а личностям, исторгнутым из нее силою обстоятельств — представителям так называемой «крепостной интеллигенции».

Вторая — это крупные помещики, класс господствующий, но вырождающийся и не имеющий будущего.

Третья — мелкие земельные собственники, «старосветские помещики», чиновники, осевшие на земле, зажиточные хуторяне.

Нет надобности долго говорить, что Шевченко, «поэт совершенно народный» (Добролюбов), всей душой стоит на стороне первой из этих трех групп. Достаточно посмотреть хотя бы на то, как внешне выглядят в его повестях герои, вышедшие из крестьянской массы.

Вот Варнак, крепостной, ставший атаманом разбойников, не дававших панству покоя, отбывший каторгу, доживающий дни свои в ссылке. Его высокое душевное благородство сказывается уже в его наружности. Это величавый старик, который «мог бы быть прекрасной моделью для Моисея боговидца¹ или для гомеровского Нестора» («Варнак»).

Вот крепостная девушка, готовая стать по прихоти помещика Курнатовского его женой. «Рафаэлю и во сне не снилась подобная

¹ Шевченко имеет в виду статую Микеланджело.

красота и гармония линий. А знаменитый Канова вдребезги разбил бы свою сахарную Психею, если бы увидел это божество, грациозно принимающее чашку с чаем» («Прогулка»).

Таковы и все прочие представители крепостного или случайного ускользнувшего от крепостного ярма крестьянства. Совершенно иными чертами обрисованы образы крупных помещиков-дворян.

Вот, например, портрет земельного магната Тарновского из повести «Музыкант» — портрет, сделанный, очевидно, с натуры:

«Руина, совершенная руина! Он не старик еще, но опередил даже дряхлых стариков. Повисшие, едва сжимающиеся губы, полураскрытые бесцветные глаза, желто-зеленый цвет лица и вдобавок серые, жиденькие волосы и глухота — делают его чем-то отвратительным, чем-то на полипа похожим».

Это представитель старшего поколения. А вот другой, Ипполитушка — «Митрофан» XIX столетия, по просьбе любящей матери отданный в солдаты и встреченный рассказчиком на улице Орска в сопровождении подтрунивавшей над ним солдатской толпы. «Статный, белокурый юноша» и в то же время «что-то вроде идиота. Трезвый, он упорно молчал, от одной рюмки водки он пьянел и начинал проклинать мать свою, самого себя и все, что его окружает. Одна пляска для него еще имела какую-то прелесть, а больше ничего» («Несчастный»).

С одной стороны — образы высокой физической и душевной красоты, с другой — «руины» и «полуидiotы». К этим последним у автора нет никакого снисхождения. Трагедии «лишних людей», «кающихся дворян» были бы для него непонятны. Психология Тарновских, Мордатовых, Кленовских Шевченко не интересует. Для него все они «конченные люди».

Резкой гранью отделены они от своих жертв и от той прослойки, которая вносит в кромешный ад изображаемой писателем жизни смягчающее начало человеколюбия. Зажиточные хуторяне — Яким Гирло и его жена Марта, у которых «покрытка» Лукня служит работницей («Наймичка»); Степаныч и Микитовна, трогательно ухаживающие за ребенком сошедшей с ума княгини Мордатовой («Княгиня»); арендатор корчмы, бывший солдат Туман, женившийся на обольщенной офицером девушке («Капитанша»); лекарь Антон Карлович и его жена Марьяна Акимовна, бескорыстно воспитывающие брошенных на произвол судьбы дочерей помещика Тарновского («Музыкант»); дублирующая их пара супругов Прехтелей — Степан Иосифович и

Софья Самойловна (в повести «Прогулка с удовольствием и не без морали»); наконец, еще одна пара — переяславский сотник Сокира, «истинный филантроп», и его жена, Прасковья Федоровна, усыновившие и воспитавшие двух подкидышей («Близнецы»), — вот представители этой прослойки, изображаемые Шевченко с симпатией, тихие, скромные люди, довольствующиеся малым, не претендующие ни на какую видную роль в обществе, похожие на «старосветских помещиков» Гоголя, но отличающиеся от них тем, что с внешним добродушием они соединяют способность к деятельному добру.

Тем не менее не им принадлежит основная роль в действии. Они — в стороне от борьбы. Их задача — лишь корректировать или смягчать по мере возможности зло, вносимое в жизнь господами положения — «жестокими, ненасытными панами». Но возможности их ограничены, тогда как произвол господ ограничен разве только силой воли самих угнетаемых да еще блюстителями закона, не обнаруживающими, впрочем, большой активности в борьбе против «злоупотреблений».

«Добрые люди» выкупают на волю героя повести «Художник» и музыканта Тараса Федоровича. Но никто не может обуздать князя Мордатова («Княгиня»), графа Болеслава («Варнак») или «заслуженного вора, пьяницу и привилегированного картежника» Зосиму («Близнецы»).

Являются ли эти «добрые люди» прямым отражением непосредственных впечатлений Шевченко от действительности? В известной мере, конечно, являются. Но в то же время родство Ангтона Карловича и Степана Иосифовича и их жен (несмотря даже на их немецких предков) с гоголевскими Афанасием Ивановичем и Пульхерией Ивановной очевидно. Невозможно не ощутить родственные нити, связывающие Яким Гирла, Тумана, Степаныча и Микитовну с Наумом Дротом и прочими богобоязненными, человеколюбивыми, смиренными, но умеющими «блюсти свою копейку» героями Квитка-Основьяненко. Ясно, что образы этой категории, в некоторой мере подсказанные действительностью, в значительной — созданы на основе образов предшествующей русской и украинской литературы. По-видимому, они, все эти Прехтели, Сокиры, Гирлы и прочие, в большей степени отражают «пожелания» автора, чем само действительность.

Создать человеческие образы, которые могли бы приобрести «нарицательное» значение для читателей и для дальнейшей

литературы, Шевченко удавалось не часто¹. Не удалось ему справиться и с задачей эпической композиции. Но ему удалось, как мы увидим, нечто иное.

«Композиция» — понятие, до сих пор не получившее у нас устойчивого содержания. С нашей точки зрения — композиция есть отражение соотношений и связей между явлениями наблюдаемой и изображаемой поэтом действительности, обусловленное его общей точкой зрения на действительность, в конечном счете его классовой идеологией.

Но в данном случае дело осложняется тем, что Шевченко выступает в личине «Кобзаря Дармограя», и о том, о чем поэт Шевченко говорил прямо, Кобзарь Дармограй говорит только обиняками. Зная автора «Кобзаря», мы понимаем, что в основном он, конечно, «лирик» — как правильно говорил о нем С. Т. Аксаков. Начиная от «Катерины» и кончая поэмами пятидесятых годов, он всегда один и тот же; его поэмы — не лиро-эпичны, а лиричны по преимуществу. Он не только перебивает свой рассказ лирическими отступлениями, как это делали Пушкин или Лермонтов. Нет, он, рассказывая о вещах, которые его глубоко волнуют, повествует о них главным образом для того, чтобы сообщить читателю свое волнение: он торопится, пренебрегает деталями, перебивает сам себя и в конечном счете дает читателю не столько познание действительности, сколько познание собственного отношения к этой действительности.

Проза налагает обязанности, которые он сознает, но которые ему тем не менее трудно выполнить. Для того чтобы стать эпиком из лирика, он вводит в свои повести значительный элемент описаний — пейзажей, портретов, бытовых зарисовок: он пытается всячески обуздать свое чувство, ввести его в русло спокойного наблюдения, прямой констатации, рассчитанной на понятливого читателя. Иногда это ему удается, например, в повести «Несчастный». Но чаще он демонстрирует нам себя самого в борьбе с непреодоленными трудностями.

И тут начинается искание всяких обходных путей. Наиболее часто автор повестей прибегает к старинной форме «путевых заметок». Она недостаточна. Недочеты ее восполняются всякого рода вставными рассказами, иногда поданными в форме чужих

¹ Отметим в числе второстепенных действующих лиц образ учителя Степана Мартыновича в «Близнецах», напоминающий многими чертами «праведников» Лескова.